

ФИБУЛЫ ОПУШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА И ИХ РОЛЬ В КОСТЮМЕ

(по материалам раскопок 2003–2020 гг.)

Анастасия Анзоровна Стоянова

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>*

Аннотация. В статье представлен обзор фибул из могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. Некрополь использовался с I в. до н.э. до IV в. н.э. носителями различных археологических культур. Из раскопанных 318 комплексов фибулы зафиксированы в 72 могилах. Всего обнаружено 190 целых и фрагментированных экземпляра. Наиболее массовую группу составляют одночленные лучковые подвязные фибулы и застежки с пластинчатым приемником I – первой половины III в. н.э. Выделяется серия фибул римского производства, среди которых самые многочисленные – фибулы-броши. Малочисленны смычковые застежки и сильно профилированные фибулы северопричерноморского типа, а также двучленные лучковые подвязные застежки и прогнутые подвязные фибулы, в большом количестве представленные на других памятниках предгорного Крыма римского времени. Фибулы встречены во всех типах погребальных сооружений, однако большая их часть сосредоточена в позднескифских склепах I в. до н.э. – II в. н.э. Они сопровождали женские, мужские и детские погребения. В подавляющем большинстве случаев одно захоронение сопровождалось одной фибулой, редко – двумя, лишь в одном детском погребении зафиксировано три застежки. Чаще всего фибулы располагались в районе грудной клетки погребенных, в единичных случаях – на плече, в районе шейных позвонков, тазовых костей и за пределами костяка. Примечательно, что большое число фибул обнаружено в захоронениях детей разного возраста – от года до 8–12 лет. По всей видимости, фибулы в детском костюме использовались на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества. В целом, типы фибул из Опушкинского могильника, их распределение в комплексах и расположение на костяках вписываются в общую картину, характерную для варварских некрополей крымских предгорий римского времени.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, могильник Опушки, фибулы, костюм

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

BROOCHES FROM THE CEMETERY OF OPUSHKI AND THEIR ROLE IN COSTUME

(According to the 2003–2020 Excavation Materials)

Anastasia A. Stoianova

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia.

Abstract. This paper presents a review of the brooches from the cemetery of Opushki located in the central area of the Crimean foothills. The cemetery was used from the first century BC to the fourth century AD by peoples of various archaeological cultures. 72 of 318 graves excavated there contained brooches. The total number of complete and fragmented brooches discovered there is 190. The largest group comprises one-piece bow-shaped brooches with returned foot and the brooches with flattened catch-plate from the first to the first half of the third century AD. There is a series of brooches made in the Roman Empire, with the most numerous group of plate brooches. There are a few violin-bow-shaped brooches, highly-profiled brooches of the Northern Black Sea type, two-piece violin-bow-shaped brooches with returned foot, and brooches with curved arched bow (P-shaped): great many pieces of these types occurred at other sites from the Roman Period in the Crimean foothill area. In Opushki, brooches appeared in all types of burial constructions, and mostly in the Late Scythian vaults from the first century BC to the second century AD. They accompanied graves of women, men, and children. In the overwhelming majority of cases, one burial was accompanied with one and rarely two brooches; there is only one burial of a child with three clasps. Most often brooches occurred at the chest, in rare cases on the shoulder, near the cervical vertebrae, pelvic bones, or outside the skeleton. It is noteworthy that a great number of brooches was found in the burials of children of different ages, from 1- to 8-12-year-old. Apparently, brooches as a part of the child's costume were used throughout the child's life from the very infancy. Generally, the brooch types from the cemetery of Opushki, their distribution in the assemblages and location on the skeletons correspond to the general pattern typical of barbarian cemeteries in the Crimean foothill area dated to the Roman Period.

Key words: sub-mountainous Crimea, Roman Period, Opushki cemetery, brooches, costume

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-59-23001 "The Population of the Crimea and the Hungarian Plain in the Roman Period: Migrations and Contacts."

Расположенный в центральной части крымских предгорий Опушкинский могильник исследуется, с перерывами, с 2003 года. За 13 лет раскопок на памятнике изучено 318 погребальных сооружений, которые датируются в целом I в. до н.э. – IV в. н.э. Здесь открыты типичные для поздних скифов склепы с многократными погребениями, подбойные и грунтовые могилы, которые можно связать со среднесарматской и позднесарматской культурами, склепы III–IV вв. н.э., оставленные, предположительно, переселившимися с Северного Кавказа предками средневековых алан, а также одно трупосожжение германской традиции [24; 25; 31; 33; 36; 38; 39; 40; 41; 42; 46]. Погребальный инвентарь представлен разнообразными категориями предметов, среди которых довольно многочисленную группу составляют фибулы. Коллекция застёжек насчитывает 190 целых и фрагментированных экземпляров. Бесперывное функционирование могильника на протяжении 500 лет обусловило большое типологическое разнообразие фибул. Их подробный анализ и публикация – дело будущего, цель данной статьи – предварительный обзор этой категории находок с акцентом на их роль в costume населения, оставившего Опушкинский некрополь¹.

Статистическая информация о типах фибул представлена в таблице 1. Они обнаружены в 72 могилах (или в 27,4% погребений, если не брать в расчет конские за-

¹ В статье используется неопубликованный материал из раскопок И. Н. Храпунова. Благодарю Игоря Николаевича за возможность работать с находками и полевой документацией.

хоронения²). Наиболее многочисленную и разнообразную группу застежек составляют *лучковые подвязные фибулы* (89 экз. или 46,8% от общего количества, рис. 1,1–6; 2,1–3), среди которых подавляющее большинство – одночленные серии I по классификации А. К. Амброза³. Лучковые подвязные фибулы присутствуют во всех типах погребальных сооружений, но больше половины этих вещей сосредоточено в склепах. Вполне закономерно распределение подвязных фибул разных вариантов в склепах разных хронологических периодов. Почти все застежки «лебяжинской» серии (рис. 1,6) и 1–3 вариантов серии I (рис. 1,1–3) зафиксированы в позднескифских склепах. Со склепами позднеримского времени связаны все «инкерманские» (рис. 2,1,2) и двучленные (рис. 2,3) фибулы, а также большинство одночленных 4 и 5 вариантов (рис. 2,4,5).

Таблица 1. Типы фибул Опушкинского могильника

Типы фибул	Кол-во экз.	% от общего кол-ва экз.	Кол-во погребений с фибулами
Лучковые подвязные (группа 15)	89	46,8	
Одночленные, серия I	53		
- вариант 1	18		11
- вариант 2	8		6
- вариант 3	10		10
- вариант 4	12		10
- вариант 5	6		5
Одночленные, серия II (инкерманские)	4		4
Двучленные, серия III	4		3
Лебяжинские, серия VI	10		6
Неопределенных вариантов	17		15
Со сплошным приемником (группы 12, 13)	30	15,8	20
Смычковые (группа 14)	8	4,3	6
Сильнопрофилированные причерноморские (группа 11)	2	1,05	2
Фибулы провинциально-римских типов	16	8,3	10
Прогнутые подвязные (группа 16)	1	0,5	1
Фибулы редких форм	2	1,05	2
Фибулы неопределенного типа (фрагментированные или сильно коррозированные)	42	22,2	18
ВСЕГО:	190	100	72

Вторую по численности группу – 30 экземпляров (15,8%) составляют *пружинные фибулы со сплошным пластинчатым приемником* (рис. 1,7,8). Такие фибулы, в зависимости от оформления окончания приемника кнопкой или завитком, А. К. Амброз объединил в группы 12 и 13 [2, с. 43–47], В. В. Кропотов – в группы

² В Опушкинском могильнике открыто 55 могил с захоронениями коней, которые не совсем корректно учитывать в данной статистике.

³ В дальнейшем при описании типов фибул, кроме специально оговоренных случаев, будет использоваться классификация А. К. Амброза [2].

8 и 9 [16, с. 182–224], К. Хёлльстрем – в тип IC.2 [45, S. 62–66]. У многих опушкинских экземпляров конец приемника отломан, поэтому отнести их к конкретному типу или варианту можно лишь предположительно. 20 застежек имеют небольшие размеры в диапазоне от 2,5 до 4 см, преимущественно нижнюю тетиву, у некоторых образцов спинка выпуклая и орнаментирована пуансонным орнаментом. Пять фибул отличаются более крупными размерами – от 5 до 7 см, все они имеют верхнюю тетиву и орнаментированную плоскую или выпуклую спинку. S-видный завиток сохранился лишь у четырех экземпляров рассматриваемой группы. Одна фибула украшена на конце приемника спиралевидным завитком, но по форме отличается от включенных А. К. Амброзом в 3-й вариант 13-й группы образцов (рис. 2,4). Опушкинская застежка имеет низкий удлиненный приемник, круто изогнутую спинку, верхнюю тетиву; размеры ее (4,5 см) превышают длину фибул, представленных в своде [2, с. 46]. Большинство фибул со сплошным приемником сконцентрированы на раннем участке некрополя, в позднескифских склепах I – первой половины II в. н.э. и грунтовых могилах, преимущественно, детских. Только одна фибула найдена в комплексе более позднего времени. Она сопровождала погребение в склепе № 77. Инвентарь комплекса – пара фибул 4-го варианта серии I, пряжка с прогнутым в центре язычком и наборы бус – позволяют датировать погребения в пределах самого конца II – первой половиной III в. н.э.

Немногочисленны в Опушкинском могильнике *смычковые фибулы* (рис. 1,9). Обнаружено всего 8 экземпляров, хотя в других синхронных памятниках Крыма этот тип фибул представлен массово [7, с. 101; 9, с. 83; 11, рис. 6,16,25,26; 16, с. 170; 32, с. 27]. Они присутствовали в женском и детских погребениях в грунтовых и подбойных могилах, только две застежки найдены в позднескифском склепе № 3, причем одна из них имела щиток, который рассыпался при зачистке погребения.

Всего двумя экземплярами представлены *сильно профилированные застежки северопричерноморского типа*. Обе имеют крючки для удержания тетивы, но отличаются формой спинки – у одной она проволочная (рис. 1,15), у второй – плоская ромбовидная (рис. 1,10). Соответствуют группе 11, серии I, варианту 2 [2, с. 40–41], группе 10, серии II по типологии В. В. Кропотова [16, с. 229–233] и типу 1D.2 по К. Хёлльстрем [45, S. 69–70]. О хронологической значимости формы спинки в литературе до сих пор нет единого мнения [дискуссию см.: 8, с. 196–199; 12, с. 48–50; 15, с. 85–88; 16, с. 229; 22, с. 109–110]. Опушкинские экземпляры не добавляют новых аргументов в этом споре. Стоит лишь отметить, что в качестве сопутствующего инвентаря в обоих случаях присутствовали зеркала-подвески типа Хазанов-IX, а погребение, содержавшее фибулу с плоской спинкой, сопровождалось еще двумя застежками – смычковой фибулой и одночленной лучковой 5-го варианта.

Группа фибул провинциально-римских типов представлена 16 экземплярами. Они рассмотрены в специальной статье, посвященной римским импортам из Опушкинского могильника [26, с. 294–296], но в настоящее время представленный там материал нуждается в дополнении. Наиболее многочисленна коллекция фибул-бро-

шей (10 экз.). Застежки с круглыми прорезными щитками (рис. 1,11), ромбовидными (рис. 1,13), в виде лунницы (рис. 1,12) и в виде голубя (рис. 1,14) соответствуют формам 3, 6, 8 группы 16 по В. В. Кропотову, типам 7.5 и 7.6 по классификации Э. Рихи [48, S. 181–183], типам VII.3a и VII.4b-d по типологии К. Хёлльстрем [45, S. 119]. Аналогичные застежки с территории римских провинций датируются 30-70-ми годами нашей эры, фибулы со щитком в виде голубя бытуют и во II в. н.э. [49, S. 171, Tab. 227]. Восточноевропейские образцы, по мнению В. В. Кропотова, сосредоточены в комплексах второй половиной I – начала II в. н.э. [16, с. 305, 314, 318]. Особая концентрация таких вещей наблюдается в западных провинциях – в Галлии, на Рейне и в Британии. Некоторые исследователи предполагают, что центр их производства мог располагаться на территории современной Швейцарии [44, S. 341, Fig. 49–51].

Среди самых поздних погребений, совершенных во входной яме позднескифского склепа № 288, найдена массивная бронзовая фибула с шестигранным щитком, украшенным рельефным орнаментом (рис. 1,20). На углах щитка расположены гнезда с красной эмалью. Ножка узкая прямоугольная, орнаментирована насечками. Фибула фрагментирована, приемник пробит, в него продето проволочное бронзовое кольцо. К застежке прикипела железная цепь, на которой сохранился кусок ткани или кожи и стеклянная бусина. Фибула близка одному из образцов типа 7.16 по классификации Э. Рихи [48, Taf. 64, no. 1666], бытовавших в римских провинциях с третьей четверти I в. н.э. и наиболее характерных для первой половины II в. н.э. [48, S. 191–192]. В крымских памятниках подобные опушкинской застежки встречены в Усть-Альминском некрополе [16, с. 322, форма 41; 20, рис. 204,17]. В могильнике Бельбек IV фибулы с украшенными эмалью геометрическими щитками встречаются в погребениях с конца I в. н.э. [9, с. 78–79]. По мнению авторов публикации материалов Бельбекского некрополя, такие застежки весьма ценились жителями крымских предгорий и попадали в могилы после длительного использования – некоторые экземпляры обломаны, к одной фибуле была припаяна петля [9, с. 79]. Очевидно, что погребенный в опушкинском склепе владелец необычного для этих мест аксессуара тоже стремился максимально долго использовать фибулу, несмотря на ее фрагментированность и отсутствие пружинного аппарата.

В детской могиле № 178 найдена бронзовая сильно профилированная фибула с плоским приемником типа Almgren-69 [43, fig. 69]. Игла у фибулы отсутствовала, и, судя по положению в могиле – у стенки, вместе с фрагментами двух зеркал типа Хазанов-IX – застежка уже не использовалась по назначению (рис. 1,16). Э. Риха датирует находки из римских провинций второй четвертью – концом I в. н.э. [49, S. 69, Tab. 45, Tur 2.9.4], К. Хёлльстрем допускает, что в Дакии некоторые образцы используются также в течение всей первой половины II в. н.э. [45, S. 81–82]. Бытование немногочисленных восточноевропейских экземпляров отечественные исследователи относят в целом ко второй половине I – II в. н.э. [2, с. 36, тип 10.1г; 16, с. 257–259; 20, с. 176–177].

Тремя экземплярами представлены шарнирные дуговидные фибулы. Одна из них относится к типу «Авсисса» (рис. 1,17) [26, с. 294], остальные незначительно

отличаются от нее конструктивно, в частности плоской спинкой, переходящей без изгиба в ножку (рис. 1,18). Последние соответствуют немногочисленной группе застежек, выделенных А. К. Амброзом в тип 2 раннеримских шарнирных дуговидных фибул на основании находок из Херсонеса, Танаиса, округи Симферополя и Закавказья [2, с. 27]. Серия таких фибул найдена в Пантикапее [29, с. 59, рис. 3,1–4]. Некоторые исследователи считают, что эти фибулы, возможно, являются дериватами и продуктом местных мастерских [16, с. 271, 281–282; 45, S. 102–103, Abb. 39,2,4,6]. В. В. Масякин соотнес боспорские застежки с наиболее ранним вариантом по классификации М. Фужера, датируемым 20-ми гг. до н.э. – рубежом эр, и предположил, что они являются развитием особой группы фибул, производившихся в мастерских Малой Азии по римским образцам [18, с. 169–171].

Все рассмотренные выше фибулы провинциально-римских типов сконцентрированы на раннем участке Опушкинского могильника, причем большинство – в позднескифских склепах I – первой половины II в. н.э. На позднем участке некрополя найдена только одна фибула этой группы – шарнирная Т-образная с «луковичными» головками (рис. 1,19). Соответствует типу 4.2 по классификации Д. А. Костромичева и датируется 330–400 гг. н.э. [13, с. 96–97, 99]. Сопровождала мужское погребение в склепе IV в. н.э. Ее расположение на костяке – в центральной части груди, горизонтально, спинкой вверх – свидетельствует о том, что застежка использовалась для скрепления краев верхней распашной одежды, возможно, куртки. Многочисленные изобразительные примеры и археологические данные с территории Римской империи демонстрируют иной способ ношения таких фибул: они применялись для закрепления тяжелого плаща на плече военнослужащих римской армии, причем всегда застежки располагаются ножкой вверх [13, с. 102]. Кроме Херсонеса, где сконцентрированы основные крымские находки Т-образных фибул, несколько штук известны на Боспоре [14], по одной – в Инкерманском и Нейзацком могильниках [5, с. 26, рис. 10,4; 47, s. 467, fig. 8,10]. Вероятнее всего, в крымские предгорья эти единичные экземпляры попадали в результате каких-то контактов местного населения с Херсонесом, возможно, торговых. Нейзацкая фибула, как и опушкинский экземпляр, располагалась в центральной части грудной клетки погребенного. Очевидно, местные варвары использовали необычную для них вещь таким же образом, как и остальные, привычные им фибулы.

Еще одна бронзовая фибула, найденная на позднем участке Опушкинского некрополя, относится к группе *двучленных прогнутых подвязных* со спинкой, декорированной кольцами (рис. 2,7). А. К. Амброз выделил такие находки в «южный» вариант серии III подгруппы II группы 16. Появление таких фибул в Крыму он связал с переселением группы германских племен с территории юго-восточной Прибалтики, где подобные застежки хорошо известны с III в. н.э. [2, с. 67]. Для могильников предгорного Крыма фибулы «южного» варианта не характерны. Более распространенным типом застежек в регионе в IV в. были прогнутые подвязные фибулы с гладкой полукруглой в сечении спинкой [1, с. 52; 30, с. 55; 32, с. 28].

В позднескифском склепе № 127 найдена фрагментированная **бронзовая фибула с плоской полукруглой в сечении спинкой, плоской раздвоенной ножкой и двойной пружиной с верхней тетивой**. Спинка украшена пуансонным орнаментом и врезными линиями, расположенными в форме «елочки» (рис. 2,5). Аналогии застежке найти не удалось. Иные по форме, но тоже с двумя пружинами и раздвоенной ножкой фибулы обнаружены в некрополе Нижне-Гниловского городища [16, с. 165–166, рис. 49,3,4]. По мнению автора раскопок В. К. Гугуева, нижнегниловские находки уникальны, но наличие фасеток на корпусе позволяет отнести их к разновидности провинциально-римских фибул или их копиям. Содержавший эти фибулы комплекс можно датировать временем ближе к середине I в. н.э. или, по крайней мере, не позднее этого столетия⁴.

Необычна для предгорного Крыма и **миниатюрная бронзовая застежка с прямоугольной в сечении круто выгнутой спинкой** (рис. 2,6) [33, с. 141, рис. 11,8]. Подобная фибула обнаружена в синхронном Опушкинскому могильнику Фронтное 3 в юго-западном Крыму [7, с. 101, рис. 5,13]. А. К. Амброз объединил такие изделия, найденные Пантикапее и на Северном Кавказе, в вариант 3 серии II группы 11, датировав их III в. н.э. [2, с. 42–43]. От представленных в своде образцов опушкинский экземпляр отличается относительно короткой пружиной, кроме того, он фрагментирован, поэтому непонятна конструкция ножки. На Нижнем Дону такие фибулы встречаются в комплексах второй половины III – IV в. н.э. [3, с. 287–288, рис. 4,5,6]. Ю. А. Малашев и З. П. Кадзаева подробно рассмотрели хронологию этих предметов на основании находок из хорошо датированных комплексов и пришли к выводу, что появляются они в середине III в. н.э. в ареале раннеаланской культуры на Северном Кавказе, во второй половине этого же столетия начинают распространяться за пределы «метрополии», а основная масса находок связана с комплексами самого конца III – IV в. [17]. Примечательно, что в низовьях Волги и Дона такие фибулы происходят преимущественно из «катакомб, генетически связанных с погребальной традицией аланской культуры» [17, с. 67]. В этой связи стоит отметить, что опушкинский экземпляр обнаружен в склепе, конструкция которого (наличие короткого дромоса между входной ямой и камерой) предположительно также восходит к аланским катакомбам Северного Кавказа [34]. Обнаруженный в склепе инвентарь указывает на самое начало IV в. н.э., как на наиболее вероятное время формирования комплекса [33, с. 143–144]. Нельзя исключать, что появление рассматриваемых застежек в крымских предгорьях – еще один маркер миграции северокавказских алан в глубинные районы полуострова.

Обращают на себя внимание четыре пружинных дуговидных фибулы с приемником в виде загнутого конца дужки. Две из них имеют обмотку, а конец дужки раскован (рис. 2,8,9). На двух других следы обмотки не сохранились (рис. 2,10,11). Вероятнее всего, это сломанные лучковые подвязные фибулы, приспособленные путем такой модификации к дальнейшему использованию.

⁴ Благодарю В. К. Гугуева за консультацию.

В Опушкинском могильнике фибулы встречены во всех типах погребальных сооружений. Однако большая их часть – 88 экз. (46,3%) происходит из 13 позднескифских склепов⁵. В этих же склепах отмечается особое разнообразие типов застежек. Самая большая коллекция фибул (26 экз.) найдена в склепе № 3, в котором было похоронено не менее 38 человек, уложенных в пять ярусов. Здесь присутствовали фибулы римских типов, пружинные со сплошным приемником, подвязные фибулы «лебяжьинской» серии, смычковые и самые многочисленные – лучковые подвязные фибулы 1–3 вариантов. Все эти типы хронологически компактны и позволяют ограничить период использования склепа второй половиной I в. до н.э. – первой половиной II в. н.э., причем застежки достаточно равномерно сопровождали погребенных всех пяти ярусов. Такой же набор типов зафиксирован и в склепах № 111 и № 127, из которых происходят 13 и 7 застежек соответственно. В отличие от богатого на фибулы и лишь частично ограбленного склепа № 3, в склепе № 42 найдено только 6 фибул (лучковые подвязные 2-го варианта, «лебяжьинской» серии, 2 фибулы неопределенного типа), хотя количество погребенных в нем значительно больше – около 130 человек. Причем все фибулы относятся к поздним погребениям [39, с. 11–12, 33]. Подобная ситуация наблюдается и в каменном склепе № 250, где на более чем 130 погребенных приходится всего 7 застежек [41, с. 76, 108]. Незначительное количество фибул характерно и для синхронных опушкинским склепов из других памятников крымских предгорий [10, с. 164; 19, с. 169–170; 21, с. 151–168; 37, с. 94–97]. Например, в 52 склепах, открытых в Восточном некрополе Неаполя скифского, обнаружено всего 63 экземпляра фибул [28, с. 15, 89]. По наблюдениям Т. Н. Высотской, сделанным по материалам Усть-Альминского некрополя, в I – начале II в. н.э. фибулы еще не получили массового распространения и встречаются главным образом в богатых погребениях знати [6, с. 94]. Материалы Опушкинского могильника свидетельствуют, что фибулы могли быть и атрибутом одежды небогатых людей, по крайней мере, погребальный инвентарь из указанных выше комплексов достаточно беден и стандартен. По всей видимости, у проживавшего в предгорьях в раннеримское время позднескифского населения преобладал бесфибульный костюм, и традиция скреплять одежду металлическими застежками, а не, например, поясом, только начала распространяться, возможно, под влиянием прибывших в регион сарматских племен.

63 фибулы найдены в 43 грунтовых и подбойных могилах. В них совершали преимущественно одиночные погребения, реже – парные или тройные, поэтому общее число индивидуальных захоронений с фибулами – 45. Застежки из этих комплексов также представлены разнообразными типами, но преобладают пружинные фибулы со сплошным приемником групп 12–13 и одночленные лучковые подвязные 3–4 вариантов. Единичными экземплярами представлены фибулы «лебяжьинской» серии, римские броши и фибула Almgren-68, смычковые и сильно профилированные причерноморского типа. На основании этих находок в целом погребения в грунтовых ямах и подбоях датируют-

⁵ Наверняка, находок фибул в этих склепах было бы гораздо больше, если бы все они не были полностью или частично разграблены в недавнее время.

ся I – первой половиной III в. н.э., хотя редко, но использовались такие погребальные конструкции и в IV в. н.э. [40, с. 191–193], правда, фибулы в них не обнаружены.

В 16 склепах позднеримского времени сосредоточено 40 фибул. Подавляющее большинство поддающихся определению фибул относятся к группе лучковых подвязных – это преимущественно одночленные застежки 4 и 5 вариантов, реже – «инкерманской» серии и двучленные. В двух склепах наблюдается сочетание одночленных фибул 4–5 вариантов с изделиями «инкерманской» серии. Больше всего фибул в этой группе комплексов найдено в склепе № 164 (6 экз.). Комплект застежек представлен одночленными 5-го варианта и «инкерманской» серии, двучленными застежками и воинской Т-образной фибулой, что свидетельствует о длительном использовании склепа (не менее 80 лет). Такая ситуация не уникальна – склеп с многократными погребениями III–IV вв. н.э., в котором также сочетаются одночленные и двучленные лучковые подвязные фибулы, известен в Нейзацком могильнике [32, с. 17].

Фибулы сопровождали женские, мужские и детские погребения. Только 68 экземпляров, найденных в не потревоженных грабителями комплексах, можно уверенно соотнести с конкретным захоронением, еще меньше (44 экз.) – с погребениями, пол и возраст которых установлен. Половозрастное распределение застежек выглядит следующим образом. 14 фибул сопровождали мужские или предположительно мужские погребения⁶. В основном это лучковые подвязные фибулы 4–5 вариантов, «инкерманской» серии и двучленные. С одним погребением мужчины 40–45 лет связывается фибула «лебяжьинской» серии, в одном случае зафиксирована фибула-брошь [47, pl. 5,1], еще один раз – воинская Т-образная. Только два мужских захоронения сопровождалось двумя фибулами. В обоих случаях фибулы лежали в центральной части грудной клетки, одна чуть выше другой. Остальные погребения имели по одной фибуле: 8 застежек зафиксированы на груди, в ее центральной части или с небольшими отклонениями вправо или вверх, 1 – на тазовых костях, 1 – за пределами костяка в углу могилы. Скорее всего, фибула в мужском костюме служила для скалывания краев верхней распашной одежды типа куртки. Иногда фибулы сочетаются с расположенными на тазовых костях пряжками, которыми были снабжены пояса. В погребении из склепа № 158 в верхней части грудной клетки, чуть выше фибулы, лежали рядом две бронзовые пронизи, выполнявшие, по всей видимости, роль пуговиц [42, с. 224].

Лишь 6 фибул можно уверенно или почти уверенно связать с женскими погребениями. Во всех захоронениях присутствовала одна фибула, располагавшаяся на груди (4 раза), у шейных позвонков (1 раз) и на левом плече (1 раз). Женские погребения сопровождали фибулы типа «Авцисса» и фибула-брошь со щитком в виде голубя [26, с. 297, рис. 1,2; 2,4], застежки «инкерманской» серии, двучленная фибула

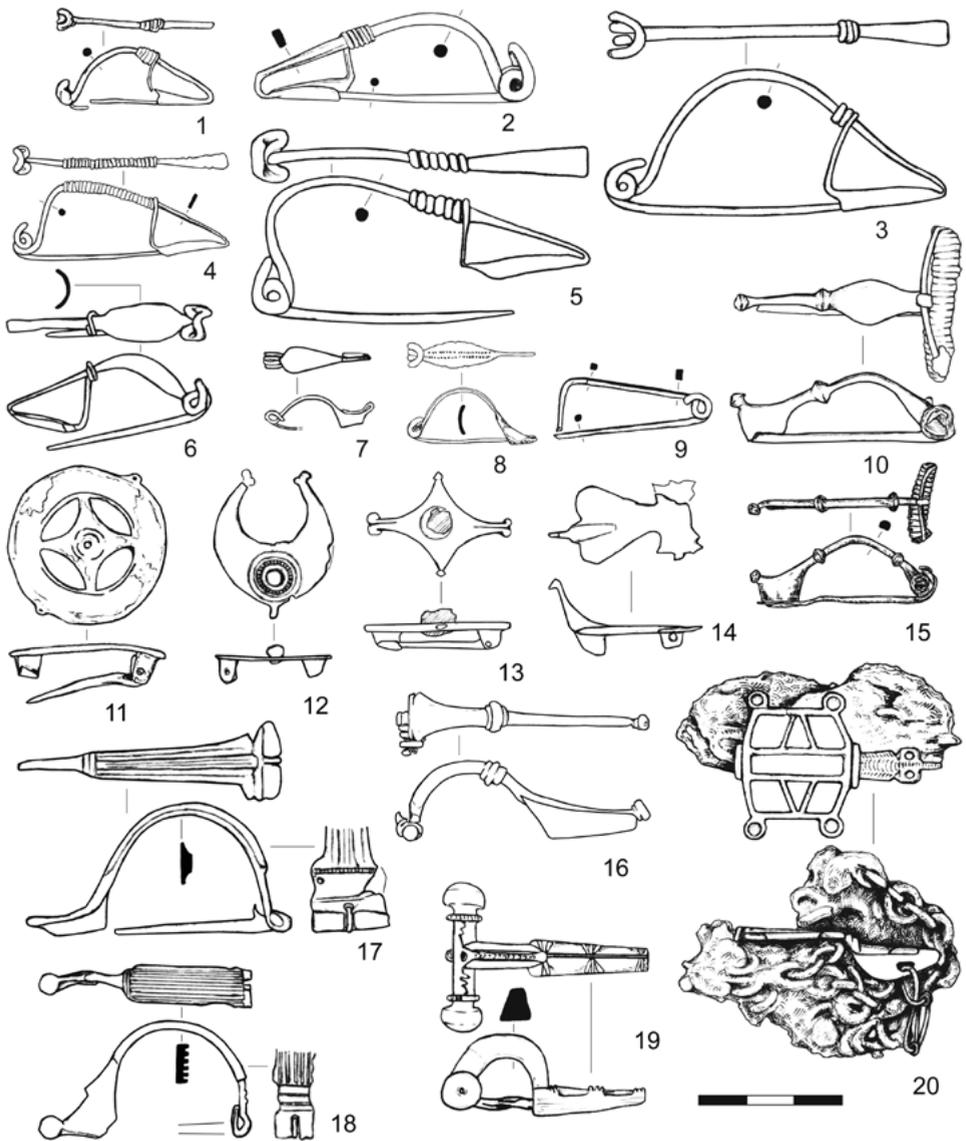
⁶ Антропологический материал из Опушкинского могильника изучался В. Ю. Радочиным и В. Безбородых. Пока он исследован не полностью, поэтому пол в некоторых случаях определен на основании состава погребального инвентаря.

и фибула с завитком на конце сплошного приемника. Столь малое число рассматриваемых предметов в женских погребениях Опушкинского могильника пока трудно объяснить. В расположенном неподалеку Нейзацком могильнике фибулы в захоронениях женщин фиксируются гораздо чаще и являются достаточно устойчивым элементом костюма [23, с. 116–117]. Возможно, на такую статистику влияет плохая сохранность костей, особенно в склепах и подбойных могилах позднеримского времени, хотя обилие бус, как правило типичных именно для женского костюма, позволяет с высокой степенью уверенности определить пол умершего. Очевидно, этот вопрос нуждается в более тщательном изучении с привлечением данных антропологических исследований опушкинского материала.

Больше всего фибул обнаружено в детских погребениях – 24 экземпляра. Они достаточно разнообразны, хотя большинство образцов относятся к группе одночленных лучковых подвязных, преимущественно 3-го и 4-го вариантов. С захоронениями детей связаны также четыре застёжки со сплошным приемником групп 12 и 13, две смычковых фибулы, две сильнопрофилированных, в том числе типа *Almgren-69*, и одна шарнирная фибула-брошь. В основном каждое захоронение сопровождалось одной фибулой, в одном случае – двумя, еще в одной могиле расчищено три экземпляра. Стоит, правда, отметить, что в большинстве детских могил кости сохраняются очень плохо или вовсе отсутствуют, поэтому судить точно о количестве погребенных проблематично. Так же как и о месте расположения застёжки на костяке. Лишь предположительно, исходя из общей картины размещения вещей в могиле, можно говорить о том, что фибулы находились в районе грудной клетки умерших или за пределами костяка, под стенкой могилы, вместе с другими вещами, например, с зеркалом или бусами. Три фибулы из могилы № 241 размещались вертикально в ряд, предположительно от центральной части груди до тазовых костей. В трех случаях антропологам удалось определить возраст погребенных – 1 год, 2–3 года и 8–12 лет. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что фибулы в детском костюме могли использоваться на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества.

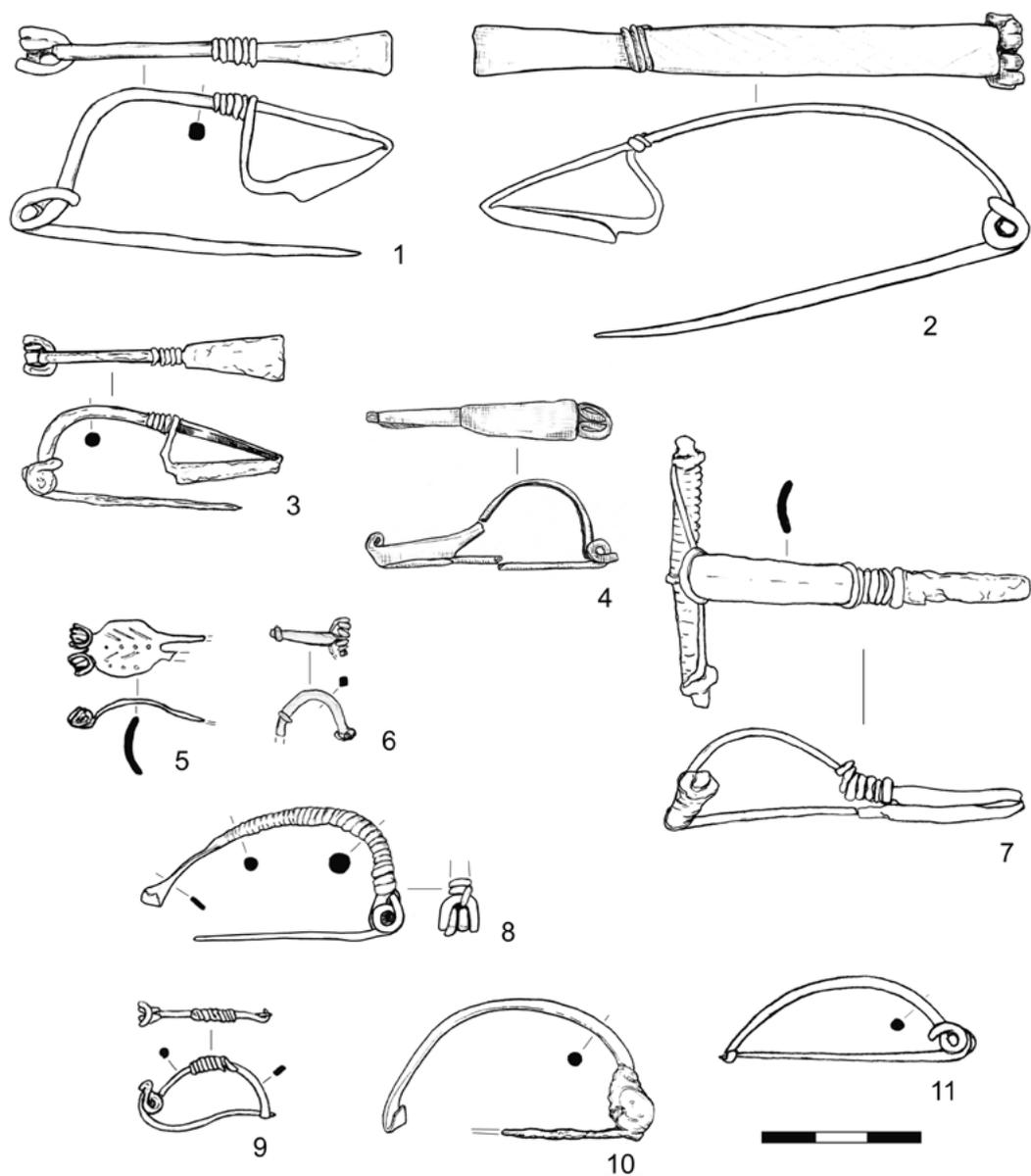
В целом, типы фибул из Опушкинского могильника, их распределение в комплексах и расположение на костяках вписываются в общую картину, характерную для варварских некрополей крымских предгорий римского времени. Количественное доминирование лучковых подвязных застёжек в I–III вв. н.э., находки импортных римских изделий, особенно типичных для первых двух столетий нашей эры, использование фибул римских типов преимущественно в детском и женском костюме, преобладание модели однофибульного костюма у представителей разных половозрастных групп, сокращение количества фибул и их разнообразия в IV в. н.э. – общие черты, сближающие Опушкинский могильник с кругом синхронных ему памятников Крыма. Есть и некоторые особенности. В силу длительного, почти пятисотлетнего, функционирования могильника набор типов фибул здесь более разнообразен. Он сочетает в себе типы, характерные как для позднескифских па-

мятников (могильники Усть-Альминский, Бельбек-IV, Неапольский, Заветное), так и для могильников иного культурно-хронологического горизонта, объединенных недавно в нейзацкую археологическую культуру [35]. При этом имеются и отличия: в Опушкинском могильнике пока не встречены самые ранние типы фибул, известные в позднескифских комплексах, в частности застежки среднелатенской схемы «неапольского» варианта, или т.н. «воинские» [19, с. 170; 27, с. 140; 37, с. 94–96]. Обращает на себя внимание малочисленность сильнопрофилированных и, особенно, смычковых фибул. Последние – массовое явление в предгорнокрымских памятниках, особенно в могильниках юго-западного Крыма, где смычковые фибулы встречаются наборами по несколько десятков экземпляров в одном комплексе [4, с. 137, 143, табл. 2]. Небольшую группу в Опушкинском некрополе составляют фибулы второй половины III – IV в. н.э., особенно показательно отсутствие типичных для этого времени прогнутых подвязных застежек группы 16. Возможно, это объясняется пока небольшим количеством раскопанных в Опушкинском могильнике комплексов IV в. н.э. Дальнейшие исследования памятника принесут новые материалы, которые, вероятно, скорректируют эти выводы и помогут ответить на пока нерешенные вопросы.

Рис. 1. Фибулы Опушкинского могильника: 1–5 – одночленные лучковые подвязные вариантов 1–5 по А. К. Амброзу; 6 – «лебяжьинской» серии; 7, 8 – со сплошным пластинчатым приемником; 9 – смычковая; 10, 15 – сильно профилированные северопричерноморского типа; 11–14, 20 – провинциально-римские фибулы-броши; 16 – фибула типа Almgren-69; 17, 18 – шарнирные дуговидные римские фибулы; 19 – Т-образная римская фибула с «луковичными» головками

Fig. 1. Brooches from the cemetery of Opushki: 1–5 – one-piece bow-shaped brooches with returned foot of A. K. Ambroz's variants 1–5; 6 – “Lebiash’e” series; 7, 8 – brooches with solid flattened catch-plate; 9 – violin-bow-shaped brooch; 10, 15 – highly-profiled brooches of the Northern Black Sea type; 11–14, 20 – provincial Roman plate brooches; 16 – brooch of the type Almgren-69; 17, 18 – hinged bow-shaped Roman brooches; 19 – T-shaped Roman brooch with “onion” heads

Рис. 2. Фибулы Опушкинского могильника: 1, 2 – лучковые подвязные «инкерманской» серии; 3 – двучленная лучковая подвязная; 4 – фибула с завитком на конце пластинчатого приемника; 5 – фибула с двумя иглами; 6 – сильно профилированная северокавказского типа; 7 – прогнутая подвязная; 8–11 – фибулы неопределенного типа

Fig. 2. Brooches from the cemetery of Opushki: 1, 2 – bow-shaped brooches with returned foot of the “Inkerman” series; 3 – two-piece bow-shaped brooch with returned foot; 4 – brooch with scroll on the end of the flattened catch-plate; 5 – two-pin brooches; 6 – highly-profiled brooches of the North Caucasus type; 7 – brooch with curved arched bow (P-shaped); 8–11 – brooches of unclear type

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
3. Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднесарматской эпохи в нижнедонский степях // Проблемы современной археологии / Ред. М.Г. Мошкова. М.: Институт археологии РАН; ТАУС, 2008. С. 284–301.
4. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–151.
5. Веймарн С.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1963. Т. XIII. С. 15–89.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
7. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в юго-западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
8. Гугуев В.К., Нечипорук А.А. Погребение с импортами из некрополя Темерницкого городища // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 189–214.
9. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Т. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
10. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 156–166.
11. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермн) 1–3 вв. н.э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
12. Коробкова Е.А. Фибулы из сарматских комплексов Есауловского Акся // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 44–60.
13. Костромичев Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 15–166.
14. Костромичев Д.А. Т-образные шарнирные фибулы Боспора // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2013. С. 236–239.
15. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).
16. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
17. Малашев В.Ю., Кадзаева З.П. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV вв. н.э. // РА. 2021. № 2. С. 54–72.
18. Маскин В.В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 166–174.
19. Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп рубежа н.э. из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время / Ред. П.П. Толочко. Киев, 2002. С. 162–172.
20. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
21. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Двухкамерный склеп с надгробным рельефом из Усть-Альминского некрополя в Крыму // Stratum plus. 2015. № 4. С. 143–174.
22. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–121.

23. Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 115–152.
24. Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
25. Стоянова А.А. Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 83–101.
26. Стоянова А.А., Храпунов И.Н. Римские импорты из Опушкинского могильника в Крыму // Археологическое наследие. 2020. № 1(3). С. 294–303.
27. Сымонович Э.А. Фибулы Неаполя скифского // СА. 1963. № 4. С. 139–152.
28. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
29. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–74.
30. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
31. Храпунов И.Н. Погребение война 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
32. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–60.
33. Храпунов И.Н. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 137–169.
34. Храпунов И.Н. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 133–145.
35. Храпунов И.Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.
36. Храпунов И.Н. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 2. С. 247–272.
37. Храпунов И.Н., Мяскин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
38. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 341–345.
39. Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля, 2009. 96 с.
40. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
41. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Каменный склеп из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 66–112.
42. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20, № 1. С. 217–250.
43. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Druck von Ivar Haeggström, 1897. 243 s.
44. Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 s.
45. Hellström K. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Habelt Verlag, 2018. 284 s.

46. Khrapunov I., Stoyanova A. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea // *Ziridava. Studia archaeologica*. 2020. No. 34. P. 287–304.
47. Khrapunov I., Stoyanova A. Fibulae in the cemetery of Nejzac // *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Tom I. Lublin, 2018. P. 456–479.
48. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Römermuseum, 1979. 222 p. (Forschungen in Augst. 3).
49. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Nrfunde seit 1975. Augst: Römermuseum, 1994. 204 p. (Forschungen in Augst. 18).

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (middle of the 3rd – 7th century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
2. Ambroz A.K. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR* [Fibulae of the South of the European part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 111 p.
3. Bezuglov S.I. Kurgan catacomb burials of the late Sarmatian era in the lower Don steppes. Moshkova M.G. (ed.), *Problemy sovremennoi arkheologii* [Problems of modern archeology], Moscow, Institut arkheologii RAN, TAUS Publ., 2008, pp. 284–301.
4. Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I. Burial ground Skalistoe III in southwestern Crimea (1st–3rd centuries). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1976, no. 4, pp. 121–151.
5. Veimarn E.V. Archaeological work in the area of Inkerman. *Arheologichni pam'jatnyky URSS* [Archaeological monuments of the Ukrainian SSR], Kyev, 1963, vol. 13, pp. 15–89.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma settlement and necropolis]. Kiev, Kievskia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
7. Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Iazikov S.V. The Roman Period cemetery Frontovoye 3 in the Southwestern Crimea (preliminary publication). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2020, no. 2, pp. 91–110. DOI: 10.31857/S086960630009075-1.
8. Guguev V.K., Nechiporuk A.A. Burial with imports from the necropolis of Temernitsky settlement. Khrapunov I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. VI, Simferopol, 2020, pp. 189–214.
9. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of Roman time Belbek IV in South-West Crimea]. Moscow, Istoricheskii muzei Publ., 2016, 272 p.
10. Zaitsev Iu.P. Crypt 390 of the Ust-Alma Late Scythian necropolis. Khrapunov I.N. (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai historical and archaeological collection], vol. 1, Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 156–166.
11. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Late Scythian necropolis Zavetnoye (Alma-Kermn) 1st–3rd centuries BC in southwestern Crimea. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (eds.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurika], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290.
12. Korobkova E.A. Fibulae from Sarmatian Complexes of the Esaulovsky Aksai. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriia 4, Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 44–60.
13. Kostromichev D.A. Roman military presence in Chersonesos in early 1st – first half of 5th century (by archaeological evidence). *Stratum plus*, 2011, no. 4, pp. 15–166.
14. Kostromichev D.A. T-shaped articulated fibulae of the Bosphorus. *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii* [14th Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological object in the context of history], Kerch, 2013, pp. 236–239.

15. Kosianenko V.M. *Nekropol' Kobiakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [Necropolis of Kobyakova settlement (based on materials from excavations in 1956–1962)]. Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, 544 p.
16. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of the Sarmatian era]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 384 p.
17. Malashev V.Iu., Kadzaeva Z.P. Strongly profiled fibulae of the middle 3rd–4th century. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2021, no. 2, pp. 54–72. DOI: 10.31857/S086960630009953-7.
18. Masiakin V.V. Roman articulated arcuate fibulae of Bosporus. *Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty* [The phenomenon of Bosporan kingdom: population, languages, contacts], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 166–174.
19. Puzdrovskii A.E. Crypt of the turn of the eras from the vicinity of Scythian Naples. Tolochko P.P. (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia* [Northern Black Sea region in Ancient times], Kiev, 2002, pp. 162–172.
20. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funeral monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
21. Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. Two-chambers crypt with relief tombstone from Ust-Alma necropolis (Crimea). *Stratum plus*, 2015, no. 4, pp. 143–174.
22. Skripkin A.S. Fibulae of the Lower Volga Region (based on materials from Sarmatian burials). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1977, no. 2, pp. 100–121.
23. Stoianova A.A. The 2nd and the first half of the 3rd century AD female costume accessories from the cemetery of Neyzats. Khrapunov I.N. (ed.), *Issledovaniia mogil'nika Neizats* [Exploring the cemetery of Neizats], Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 115–152.
24. Stoianova A.A. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)* [Children's burials from the Opushka burial ground (according to the results of excavations in 2003–2009)]. Simferopol, Dolia Publ., 2012, 100 p.
25. Stoianova A.A. Burial with a provincial-Roman mirror and two incense burners from the cemetery of Opushki in Crimea. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 4, Simferopol, 2018, pp. 83–101.
26. Stoianova A.A., Khrapunov I.N. Roman imports from the cemetery of Opushki in Crimea. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological heritage], 2020, no. 1(3), pp. 294–303.
27. Symonovich E.A. Fibulae of Scythian Naples. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1963, no. 4, pp. 139–152.
28. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolia Skifskogo)* [Population of the capital of the late Scythian kingdom (based on materials from the Eastern Scythian necropolis of Naples)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 173 p.
29. Treister M.Iu. Romans in Panticapaeum. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1993, no. 2, pp. 50–74.
30. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery)* [Druzhnoe cemetery (3rd–4th centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002, 313 p.
31. Khrapunov I.N. Burial of a warrior from the 2nd century AD from the cemetery of Opushki. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (eds.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurika], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 115–124.
32. Khrapunov I.N. Some results of the researches of the cemetery of Neyzats. Khrapunov I.N. (ed.), *Issledovaniia mogil'nika Neizats* [Exploring the cemetery of Neizats], Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 13–60.
33. Khrapunov I.N. Crypt with things in the pre-Hunnic polychrome style from the cemetery of Opushki. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 3, Simferopol, 2018, pp. 137–169.
34. Khrapunov I.N. Crypts with short dromos in the Crimea and the North Caucasus. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 4, Simferopol, 2018, pp. 133–145.

35. Khrapunov I.N. Archaeological culture of the Late Roman period in the piedmont Crimea. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archaeology], 2019, no. 1, pp. 32–49. DOI: 10.31857/S086960630004115-5.
36. Khrapunov I.N. A crypt with 3rd century coins in the cemetery of Opushki. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 247–272. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13.
37. Khrapunov I.N., Masiakin V.V., Mul'd S.A. Late Scythian burial ground near the village of Kolchugino. Khrapunov I.N. (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai historical and archaeological collection], vol. 1, Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 76–155.
38. Khrapunov I.N., Mul'd S.A. The cremations of the Roman times from the cemetery of Opushki. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 2005, vol. 14, pp. 341–345.
39. Khrapunov I.N., Mul'd S.A., Stoianova A.A. *Pozdnescijskii sklep iz mogil'nika Opushki* [Late Scythian crypt from the cemetery of Opushki]. Simferopol, Dolia Publ., 2009, 96 p.
40. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. Three undercut graves from the cemetery of Opushki in Crimea. Smyntyna E.V. (ed.), *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuiu epokhu* [The barbarian world of the northern Pontic lands in the Sarmatian era], Kiev, Oleg Filiuk Publ., 2013, pp. 184–207.
41. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. Stone crypt from the cemetery of Opushki. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 6, Simferopol, 2020, pp. 66–112.
42. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. A 3rd century AD burial vault with multiple burials at the cemetery of Opushki. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 217–250. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11.
43. Almgren O. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Stockholm, Druck von Ivar Haeggström, 1897, 243 p.
44. Feugère M. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Paris, Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985, 503 p.
45. Hellström K. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn, Habelt Verlag, 2018, 284 p.
46. Khrapunov I., Stoyanova A. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea. *Ziridava. Studia archaeologica*, 2020, no. 34, pp. 287–304.
47. Khrapunov I., Stoyanova A. Fibulae in the cemetery of Nejzac. Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (eds.), *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, Tom I, Lublin, 2018, pp. 456–479.
48. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. (Forschungen in Augst. 3). Augst, Römermuseum, 1979, 222 p.
49. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Die Nrfunde seit 1975. (Forschungen in Augst. 18). Augst, Römermuseum, 1994, 204 p.

Информация об авторе

Стоянова А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABA-4684-2020.

Author information

Stoyanova A. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Researcher ID: ABA-4684-2020.